

Для Великой вдовствующей императрицы самое важное было использовать это событие, чтобы подорвать основы власти князя, разрушить его влияние. Это требовало постепенного планирования, медленного замысла, чтобы использовать смерть Се Мяо как рычаг, расколоть его партию и уничтожить её по частям.

А для Се Ханьсиня его самым насущным желанием было убить Цзин И!

Великая вдовствующая императрица, слушая, как её брат становится всё более эмоциональным, почувствовала головную боль:

— Канцлер!! Следите за своими словами!

Се Ханьсинь потерял спокойствие, которое было у него утром:

— Чтобы поймать разбойника, сначала нужно поймать его главаря. Почему бы не убить князя Цзя сразу? Это было бы полезно и для вас, Великая вдовствующая императрица, не так ли?

Великая вдовствующая императрица:

— Ты думаешь, что сторонники князя Цзя просто будут сидеть сложа руки и смотреть, как ты убьёшь его? Если не уничтожить их по частям, ты не сможешь тронуть князя Цзя!

Се Ханьсинь:

— Зачем ждать, пока они отреагируют? Сегодня ночью я могу послать людей убить его! Если он умрёт, его сторонники останутся без лидера и не будут представлять угрозы!

Великая вдовствующая императрица швырнула чашку на пол:

— Канцлер!

Се Ханьсинь замолчал.

Великая вдовствующая императрица нахмурила брови, долго молчала, а затем попыталась говорить медленнее:

— ... Мяо ушёл, и мне тоже больно. Но если ты, канцлер, из-за смерти Мяо будешь действовать так опрометчиво, это сыграет на руку другим — ты думаешь, Цзин И не ожидает, что ты захочешь его убить? Он много лет провёл в армии, вокруг него множество талантливых людей. Ты действительно собираешься убить его или просто дашь ему повод против тебя?

Се Ханьсинь молчал.

Великая вдовствующая императрица потеряла виски:

— Не теряй голову. Даже если ты действительно сможешь убить Цзин И, ты не боишься, что его люди, спровоцированные этим, взбунтуются? Его сторонники держат в руках военную власть.

Многие в армии давно недовольны правительством — тиран, Великая вдовствующая императрица, контролирующая политику, и двор, полный подлых людей.

Они следуют за Цзин И не только из-за дружбы, но и потому, что видят в нём надежду.

Если сейчас безрассудно и бездоказательно убить Цзин И, эти преданные воины, горячие головы, могут сделать что-то непредсказуемое с этим уже недовольным двором.

Это не пустые слова. В прошлом году в народе уже были восстания. Тогда Цзин И подавил их, говоря, что действует милосердно. Но те повстанцы, которых он принял в свою армию, разве они будут спокойны?

Великая вдовствующая императрица подвела итог:

— Нужно действовать постепенно.

Сначала связать Цзин И, использовать это как угрозу, чтобы ограничить действия его людей, а затем найти способ заменить их и забрать военную власть.

Се Ханьсинь молчал долгое время, а затем поднял глаза и посмотрел прямо на Великую вдовствующую императрицу.

С тех пор как его сестра стала императрицей, Се Ханьсинь почти никогда не смотрел на неё прямо, это было неприлично.

Теперь, глядя на неё, он словно увидел её настоящую суть.

Он давно должен был понять, что у такой женщины кровь холодная, как можно было ожидать, что она будет скорбеть о смерти Мяо?

Великая вдовствующая императрица, встретив его взгляд, невольно замедлилась. Его глаза были полны крови, наполнены печалью:

— Канцлер...

Канцлер не ответил, только холодно сказал:

— Сегодня я был слишком опрометчив, мне нужно вернуться и подумать. Я откланиваюсь!

Великая вдовствующая императрица, услышав это, почувствовала, что канцлер, кажется, разочаровался в ней и хочет дистанцироваться. Она поспешно сказала:

— Канцлер, подожди.

Но Се Ханьсинь не остановился, повернулся и вышел из дворца Чанлэ, не оглядываясь на зов сестры.

Великая вдовствующая императрица была в ярости, её брат становился всё более своевольным!

Утром он говорил, что хочет только мирной и счастливой старости, а теперь готов действовать безрассудно!

И ещё посылал мне людей в качестве советников, я думаю, он просто стареет и теряет рассудок!

Великая вдовствующая императрица потеряла лоб, чувствуя, что её мигрень, вероятно, не пройдёт.

Потирая лоб, она вспомнила одну вещь.

Она и её брат долгое время были в одной лодке, поэтому большинство решений в политике принимала она, а канцлер исполнял их при дворе.

Теперь, видя, как ведёт себя канцлер, она поняла, что её указы вряд ли будут доходить до двора через него — даже если у неё есть другие чиновники, их вес не сравним с титулом «канцлер».

От этой мысли голова Великой вдовствующей императрицы заболела ещё сильнее.

Женщины не должны вмешиваться в политику.

Подумав, она снова обратила взгляд на Цзин Шо.

В конце концов, он был императором, и его слово могло убить многих. Если император скажет что-то, кто осмелится возражать?

Хотя он был неуравновешенным, но теперь, когда Се Ханьсинь стал таким, его нельзя было использовать, и, возможно, он был даже более беспокойным, чем Цзин Шо.

Великая вдовствующая императрица, взвесив все за и против, поняла, что выхода нет.

Теперь Се Ханьсинь был слишком склонен к безрассудству, боль от потери сына превратила его в зверя с вырванными глазами, который только и делал, что бросался в атаку.

По сравнению с ним, Цзин Шо, хотя и был безумным, теперь имел слабое место. Если другие чиновники под её началом предложат её указы, а Цзин Шо, как император, подавит возражения, это тоже возможно.

Великая вдовствующая императрица вызвала новую служанку и приказала:

— Завтра утром отнеси лекарство императору, посмотри, чтобы он выпил его, а затем приведи его ко мне.

На следующее утро служанка Великой вдовствующей императрицы ждала у дверей Цзин Шо и Дуань Юньшэня.

Новую служанку звали Наньчжи, и она простояла у дверей как минимум час, но обитатели комнаты не вставали.

Основная причина была не в том, что они не проснулись, а в том, что... Дуань Юньшэнь упорно притворялся спящим.

Дуань Юньшэнь глубоко чувствовал, что жизнь стала невыносимой. Вчера он заснул, погружённый в печаль. Теперь, проснувшись, ему предстояло снова погрузиться в тоску.

Его прекрасный и безопасный лис вдруг стал опасным!

Как он мог поднять это! Это был обман!

Дуань Юньшэнь чувствовал страх и даже хотел заказать песню «Жёлтые хризантемы» с максимальной громкостью!

Цзин Шо проснулся уже давно, он сидел у изголовья кровати, а Дуань Юньшэнь лежал справа от него. В левой руке он держал книгу и листал её.

Шум за дверью он услышал час назад, но так как Дуань Юньшэнь ещё не собирался открывать глаза, он не обращал на это внимания.

Все ждали друг друга, и, казалось, скоро наступит полдень. Наньчжи, которой нужно было доложить Великой вдовствующей императрице, наконец осмелилась постучать в дверь.

Дуань Юньшэнь притворяться больше не получилось, сейчас Цзин Шо играл роль больного и мягкого человека, поэтому открывать дверь и отвечать должен был Дуань Юньшэнь.

Он притворился, что только что проснулся, посмотрел на тирана, а затем...

Заметил, что Цзин Шо смотрит на него с выражением, которое ясно говорило: «Я знаю, что ты давно притворяешься», и произнёс:

— Любимая, ты проснулась?

Если уж играешь роль, играй до конца! Ты же мастер управления выражением лица, зачем так откровенно показывать, что ты «играешь вместе со мной»?

Дуань Юньшэнь избегал его взгляда, внутренне скуля.

Уйди, обманщик, верни моего безопасного лиса!

После умывания Наньчжи вошла с людьми.

Дуань Юньшэнь, увидев, что лекарство Великой вдовствующей императрицы снова принесли, был в ужасе.

Он не знал о привыкании к этому лекарству, считая, что оно постепенно ослабляет и приводит к смерти. Поэтому он смотрел на него с ненавистью.

Даже если лис стал опасным, он всё равно был его лисом, и нельзя было позволять ему пить эту гадость.

Поэтому он начал думать, как бы выкинуть это лекарство.

Цзин Шо уже ожидал, что Великая вдовствующая императрица сделает это, поэтому не удивился. Как и раньше, он поднёс чашку ко рту и выпил.

Заметив взгляд Дуань Юньшэня, он заранее прижал его руку, словно удерживая кошку, которая пытается царапаться.

Дуань Юньшэнь был в шоке.

Наньчжи, увидев, что тиран выпил лекарство, облегчённо вздохнула:

— Великая вдовствующая императрица хочет видеть ваше величество. Когда вам будет удобно?

Цзин Шо:

— Я присоединюсь к любимой за завтраком, а затем приду.